

Въ прошломъ 1715 году, Октября въ 11 день, Царское Величество возвращаясь оубъ погребенія бывшей Кронъ Принцессы, супруги его Царевичевой, въ домъ его, отдалъ ему нижеписанное писмо, въ кошоромъ написано.

ОБЪЯВЛЕНІЕ СЫНУ МОЕМУ.

Понеже всѣмъ извѣстно есть, что предъ начинаніемъ сея войны, какъ нашъ народъ ушѣсненъ былъ оубъ шведовъ: копорые не шолко ограбили шоль нужными опеческими пріспанми, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію доброй задернули завѣсѣ, и со всѣмъ свѣшомъ коммунікацію пресѣкли. Но пошомъ когда сія война началась [кошорому дѣлу единъ богъ руководомъ былъ, и есть] О коль великое гоненіе оубъ сіхъ всегдашнихъ непріятелей, ради нашего не искусства въ войнѣ прешерпѣли, и сѣкакою горестію и шерпѣніемъ сію школу прошли, дондеже доспойной степени выше реченнаго руководителя помощію дошли! И шако сподобілся видѣшь, что оной непріятель оубъ кошорого шрепешали, едва не вящше оубъ насъ нынѣ шрепещешь. Что все помогающу вышнѣму, моими бѣдными и прошчихъ истинныхъ сыновъ Россійскихъ равноревностныхъ шрудами доспѣжено. Егда же сію богомъ данную нашему Опечесшву радосшь разсмотряя, обозрюсь на лѣнбю наслѣдства, едва неравная радосши горесть меня снѣдаешь, вѣдя тебѣ наслѣдника, весма на правленіе дѣлъ Государшвенныхъ самовольно непошребнаго [ибо богъ не есть вѣновенъ, ибо разума тебѣ нелішѣлъ, нѣже крѣпосшь шѣлесную весма опнялъ. Ибо хошя не весма крѣпкой пріроды, обаче не весма слабой] паче же всего о войнскомъ дѣлѣ нѣже слышаша хошешъ; Чѣмъ мы оубъ шмы къ свѣшу вышли, и кошорыхъ не знали въ свѣшѣ, нынѣ почіпають. Я не научаю, что оубъ охочъ былъ воевать беззаконны прічины, но любішь сіе дѣло, и всею возмощію снабдѣвашъ и учішь. Ибо сія есть едина изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона. Нехочу многіхъ прѣмѣровъ писать, но почію равновѣрныхъ намъ грековъ. не оубъ сего ли пропали, что оружіе оставіли? и единамъ міролюбіемъ побѣждены, и желая жшшь въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, кошорой ихъ покои, въ некончаемую работу шіраномъ отдалъ. Аще кладешъ во умѣ своемъ, что могушь шо Генералы по повелѣнію управляшь, но сіе воістінну не есть резонъ; ибо всякъ смотрѣшь наначалника, дабы его охотѣ послѣдовать, что очевѣдно есть. Ибо во дни владѣнія брата моего, не всѣ ли паче прошчаго любіли плашье и лошади, и нынѣ оружіе, хошя

кому до обѣихъ дѣла нѣтъ, и до чего охотникъ началъ спешуя, до того и всѣ. А отъ чего отвращающа, отъ того всѣ. И еще сѣи легкія забавы, копорыя шолко веселятъ человѣка, шакъ скоро покѣдають, колми же паче сѣю дѣло шяжкую забаву, [сѣрѣчь оружіе] оставятъ. Къ шому жъ не имѣя охоты, ни въ чемъ обучаешся, и шакъ не знаешъ дѣлѣ воінскіхъ. Аще же не знаешъ, шо како повелѣвашъ оными можеш, и какъ доброму доброе воздашь, и нерадѣваго наказашъ, незная сѣлы въ ихъ дѣлѣ, но прѣнужденъ будешъ, какъ пшца молодая въ ротѣ шмотрѣшь. Слабостію ли здоровья отговарѣваешся, что воінскіхъ шрудовъ понесши не можешъ? но и сѣе не резонъ! ибо не шрудовъ, но охоты желаю, копорую никакая болѣзнь отлучитъ не можешъ. Спроси всѣхъ, копорыя помнятъ вышешомянушого брата моего, копорой шебя несравненно болѣзненнѣе былъ, и не могъ бздѣшь самъ на досужихъ лошадахъ. Но имѣя велікую къ нѣмъ охоту, непрешпанно шмотрѣлъ и передъ очми имѣлъ, чего для нѣкогда бывала, нѣже нынѣ естъ шакая здѣсь конюшня. Відѣшъ, не все шрудами велікими, но охотою. Думаешли что многія не ходятъ сами на воіну, а дѣла правяшца? правда, хошя не ходятъ, но охоту имѣють: какъ и умершей король французской, копорой не много на воінѣ самъ бывалъ, но какую охоту велікую имѣлъ къ шому, и какіе славные дѣла показалъ въ воінѣ, что его воіну, шеапрумъ и школою свѣта называли. И не шочію къ одной воінѣ, но и къ прошчимъ дѣламъ и маніфактурамъ, чѣмъ свое Государство паче всѣхъ прославилъ. Сѣе все предшавя, обращаю паки на первое, о шебѣ разсуждая, ибо я есмь человѣкъ, и смерти подлежу, шо кому вышешанное съ помощію вышняго насажденіе, и уже нѣкоторое и возвращенное оставлю. Тому иже уподобился лѣнѣвому рабу Евангелскому, вкопавшему шаланшъ свои въ землю [сѣрь все что богъ далъ бросилъ] Еще же и сѣе вспомяну, какова злова нрава и упрямова ты исполненъ. Ибо сколь много за сѣе шебя бранѣвалъ, и не шочію бранѣлъ, но и бѣвалъ, къ шому жъ сколько лѣшъ шочішай не говорю съ шобою, но нѣчто сѣе успѣло, нѣчто ползуешъ, но все даромъ, все на спорону, и нѣчего дѣлашь не хочешъ, шолько бѣ дома жѣшь, и имѣ веселѣшца. Однако жъ всего лучше, всего дороже безумной радуешся своею бѣдою, не вѣдая, что можешъ отъ того слѣдовашъ! [испѣнну Павелъ свящій пишешъ, како шои можешъ церковь божію управѣшь, иже о домѣ своемъ нерадѣтъ] Не шочію шебѣ, но и всему государству, что все я съ горештію размышляя, и вѣдая что нѣчѣмъ шебя склонѣшь не могу къ добру. За благо изобрѣлъ сѣи послѣ-

дней шестнаемнѣи тебѣ написашь, и еще мало пождашь, аще
 нелицемѣрно обратѣшься. Ежели же ни, то извѣстенъ будь,
 что я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удѣ гангреныи,
 и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ,* и что я сіе
 только въ усраску пишу, воистинно [богу изволшу] исполню.
 Ибо я за мое опечесство и люди, живша своего не жалѣлъ,
 и не жалѣю, то како могу тебя непошребнаго пожалѣшь,
 лучше будь чужаи доброй, неже свои непошребной.

* сіе слово
 написано
 въ шу мѣ-
 ру, понеже
 писано то
 писмо до
 рожденія
 Царевича
 Петра
 Петровича,
 за 18 дней.
 и тако въ
 то время
 был онъ
 Царевичъ
 Алексеѣвичъ
 одинъ.

у подлинного прѣписано Его Величества рукою,

ПЕТРЪ.

Противъ того къ Царскому Величеству въ отвѣдномъ
 Царевичевѣ собственноручномъ писмѣ, шогожъ Октябрю въ 31
 день, [по рожденіи Государя Царевича Петра Петровича
 въ 3 день] написано.

МІЛОСТІВѢІШИИ ГОСУДАРЬ БАТЮШКА.

Сего октябрю въ 27 день, 1715 году по погребеніи жены моеи
 опданное мнѣ отъ себя Государя вычелъ, на что иного
 донести не имѣю, шолко буде изволѣшь за мою непошребность,
 меня наслѣдія лишѣть короны Россійской, буди по воли вашей.
 О чемъ и я васъ Государя всенѣжайше прошу, понеже віжу
 себя къ сему дѣлу неудобна и непошребна, понеже памяши
 весьма лишень [безъ чего нічего возможно дѣлать.] И всѣми
 сілами умными и шѣлесными [отъ различныхъ болѣзней]
 ослабѣлъ, и непошребень спалъ къ толікаго народа правленію,
 гдѣ шребуешъ человекъ не шакого гнілого каковъ я. Того ради
 наслѣдія [даи боже вамъ многолѣшное здравіе.] Россійского
 по васъ [хотя бы и брапа у меня небыло. А нынѣ слава богу,
 братъ у меня естъ, кошорому даи боже здравіе.] не прешендую,
 и впредь прешендовать небуду, въ чемъ бога свидѣшеля полагаю
 на душу мою, и ради истинного свидѣшелства, сіе пишу своею
 рукою. Дѣшеи моѣхъ вручаю въ волю вашу, себѣ же прошу
 до смерти пропѣшанія, сіе все предавъ въ ваше разсужденіе,
 и волю милостівую.

Всенѣжайшій рабъ сынъ Алексеѣвичъ

Во второмъ Царскогжъ Величества къ немужъ Царевичу
 Генваря 19 дня 1716 году писанномъ.

Послѣднее напомяніе еще.

Понеже за своею болѣзнью, доселѣ не могъ резолюцію дасть,
 нынѣ же на оное отвѣшшвую писмо швое, на первое писмо